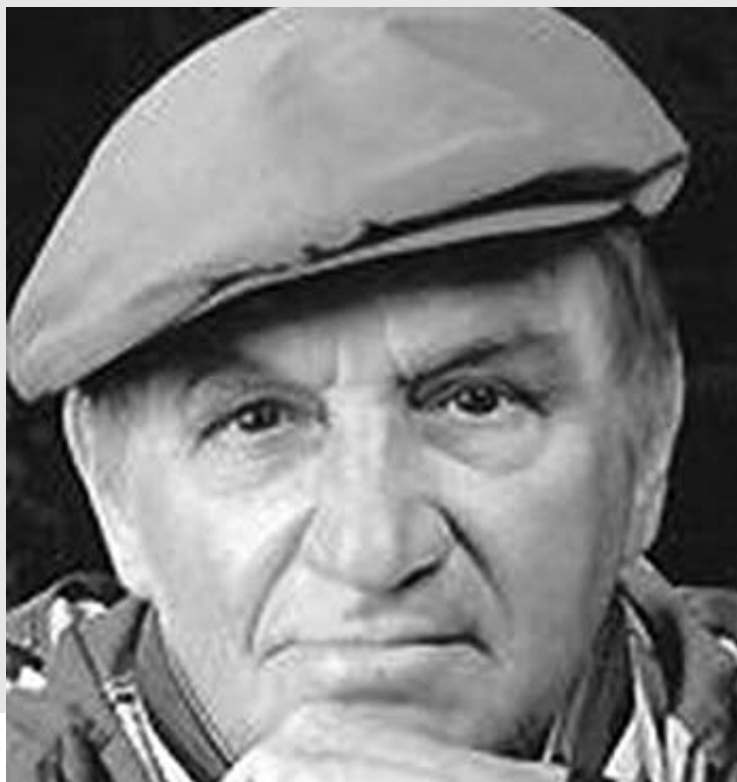

Льва Дурова особо представлять не нужно: более 180 ролей в кино, а вместе с театральными их свыше двухсот. Ему подвластно буквально все — от античной трагедии до бытового фарса. Народный артист СССР, хулиган, анекдотчик, свой в доску мужик — это все о нем.

ЛЕВ ДУРОВ:

«МНЕ ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ПОСТАВИТЬ СПЕКТАКЛЬ НА ПЕРИФЕРИИ»

— Лев Константинович, в 1971 году вы снимались в «Стариках-разбойниках», сейчас — в «Стариках-полковниках». Есть ли что-то общее в этих фильмах?

— Общее то, что люди пенсионного возраста оказываются чаще гораздо мудрее и нужнее в сложных ситуациях. Это не значит, что старость лучше, а молодость хуже. Молодежь сильна одним, а старики — другим. Это является доказательством того, что возраст не имеет значения, главное — душевное состояние, ведь люди могут быть молодыми и полезными до конца своих дней.

— Вы иногда сравниваете положительные роли с деревьями, превращенными в телеграфные столбы. А вам нравится играть положительных или отрицательных героев?

— Интересно играть и то, и другое. Положительная роль гораздо сложнее. В «Семнадцати мгновениях весны», например, труднее всех было играть Тихонову, потому что у остальных были конкретные типажи. У меня Клаус — провокатор, мерзавец. Роль Броневского тоже понятна. А у Штирлица — только сопоставление и анализ. И сделал он это блистательно. Он истинный герой, а мы все, как бы ни играли, оказались гарниром.

— Вам знакомы поиски зерна

роли перед спектаклями или вы такой ас, что только дай хороший материал, а вы сыграете?

— Ну это уж слишком нагло так заявлять. Когда приступаешь — каждая роль новая. И когда я как режиссер ставлю спектакль, то говорю актерам: вы должны быть корыстными и в каждой роли найти свою корысть. И сделать шаг по сравнению с предыдущей ролью или вправо, или влево, или вперед, хорошо бы не назад. А повторения — пробуксовка: ни вам неинтересно, ни зрителям. Надо уметь делать эти маленькие шажки. Это все равно прибавка к тому, что ты умеешь.

— Станиславский говорил, что «актеры — дети... только сукины». А вы как своих актеров называете?

— Это шуточная формулировка. Конечно, в нашем клане намешано много. Все бывает. Понимаете, театр (банальная фраза) — в какой-то мере отражение жизни. И что в театре происходит, в первую очередь

бракоразводным процессам. Когда в семье начинают произносить слово «деньги» — разбегайтесь. Если однажды жена скажет: «Что это у тебя такая маленькая зарплата?» — бегите от нее, так как после этой фразы ничего уже совместного не будет. Или, наоборот, жена получает большие деньги, и мужу кажется, что он зависит от нее. Этого вообще не должно быть. Это было на Западе, и у нас тоже уже существуют брачные контракты. Мне одна американка объяснила, что это замечательно, а для меня это странность, ведь это заранее подразумеваются обман и жульничество.

Лев Дуров — любимец миллионов зрителей, веселый, жизнерадостный человек, у которого привнесенное из детства озорство и даже хулиганство — всегда при нем. Родился 23 декабря 1931 года в старом московском районе Лефортово. Его друг Владимир Качан очень точно сказал, что «география его звания — народный артист СССР — формально сузилась до размеров России, а фактически расширилась. Потому что он по-прежнему народный артист и Белоруссии, и Украины, и Казахстана, и Прибалтики, и Израиля, и США, и всех других стран, где любят и помнят артиста Дурова». Он награжден орденом Дружбы народов (1996 г.). В этом же году как художественный руководитель выпустил курс студентов Школы-студии МХАТ. В 1999 году в издательстве «Алгоритм» вышла книга Л.К. Дурова «Грешные записки». В июле 2000 года он стал двукратным лауреатом международного Московского кинофестиваля за участие в кинофильме «Луной был полон сад». В жизни Л.К. Дуров всегда следует принципу — «вперед!». Свободное время предпочитает посвящать дому, семье. Любимый автор — Ф.М. Достоевский. Любит музыку П.И. Чайковского. Среди актеров особенно выделяет И. Смоктуновского.

происходит и в жизни. Когда-то слово «деньги» даже не произносили, их просто не было вообще. А потом слово «деньги» стало главным. И начались беды. С одной стороны, люди стали лучше жить материально, а вытворяют во много раз худшее. Деньги привели к жуткой коррупции, жуткому бандитизму,

во в любви: я тебя люблю, но ты меня можешь облапошить. Это безнравственная штука. У меня в Германии, когда я ставил спектакль, была переводчица — довольно пожилая женщина. К ней как-то пришел сын просить денег. Она долго его расспрашивала, зачем ему деньги, потом согласилась дать на три месяца,

но под проценты. Я не представляю, как бы я дал детям займы.

— В отличие от большинства актерских семей вы придерживаетесь патриархальных взглядов — верны одной женщине. Как вам это удалось?

— Мы уважали жизнь друг друга, а слово «деньги» у нас никогда не звучало. Ирина Николаевна до сих пор не знает, сколько и где я получаю. Я прихожу и кладу зарплату в шкафчик. У нас ни одного скандала не было, уже не говоря о хлопании дверьми. Иногда лишь по поводу выглаженных рубашек могу высказаться: мол, почему не готовы, разве не знаешь, что мне нужно было идти куда-то?

— Вернемся к театру. Что вас побудило стать режиссером?

— Я очень долго был подмастерьем у Анатолия Васильевича Эфроса. А потом как-то захотелось самостоятельно поставить спектакль. Поставил один удачный, второй. Ну и сейчас уже у меня 25, наверное, спектаклей набралось. Сейчас в Томске открыли новый театр — туда меня тоже пригласили порежиссировать. Мне очень хочется поставить спектакль не в Москве, а где-то на периферии.

— У вас очень много интересных работ в кино — «Девять дней одного года», «Калина красная», «Три мушкетера». А вы себя кем больше ощущаете: актером кино или театра? И есть ли вообще различие между этими двумя профессиями?

— Различие, конечно, есть. Потому что театр — это лаборатория, а кино — это производство. Если называть известных киноактеров, то кроме двух — Тихонова и Мордюковой — все будут родом из театра. И если я 50 с лишним лет работаю и там, и там — назвать себя лишь театральным или только киношным достаточно сложно. Говорить: «Ах, кино — это ерунда, а только театр!» не буду. Кино — это широкая популярность и несколько другие деньги. А так как все живые люди и у каждого семьи, а жизнь давно жестокая, то деньги всем нужны. Поэтому нужно быть благодарным кино, чего там кокетничать, за возможность заработать. А в театре платят совершенно грошовой зарплатой, постыдные, я бы сказал. Когда за границей меня спрашивают о зарплате и я честно отвечаю — у них глаза вылезают на лоб. Если бы я столько сыграл ролей в Голливуде, то я был бы миллионером.

— Не так давно вы перенесли операцию на сердце, но продолжаете играть с полной отдачей. Как только режиссер говорит: «Мотор, начали», — вы молодеете лет на сорок. Может, поберечь себя?

— Я каждый раз играю на полную катушку. Режиссеры часто предлагают сначала попробовать сыграть так или эдак, набросать рисунок роли. А я знаю: нельзя сначала слегка попробовать, а потом сыграть по-настоящему. Потом не бывает. Бывает только сейчас. Поэтому никогда и ничего я не делаю слегка, чтобы через месяц-другой создать что-то. Создавать надо сразу!

По материалам информгентств.

